

Макеева С.О.

Екатеринбург, Россия

**КОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ
В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ
ТРЕХ ЛИНГВОКУЛЬТУР**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматривается профессиональный концепт **КОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ** в сопоставлении русской, ирландской и американской лингвокультур. Представлен анализ причин, обусловивших коммуникативную потребность в повторном моделировании концепта. Выявлена когнитивная релевантность слагаемых *деятель – инструмент – локус и хронотоп – действие и его результат – клиент – наблюдатель*. Исследовательские процедуры, задействованные в статье, традиционны для когнитивистики; материал впервые получает лингвистическую интерпретацию.

Ключевые слова: Концепт, дискурс, дискурсивная практика, профессиональная коммуникация, оценочная модальность, субкультура.

Сведения об авторе: Макеева Светлана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620027, г. Екатеринбург, ул. Свердлова, д. 60, кв. 21.
e-mail: Soutrider@e1.ru.

Makeeva S.O.

Yekaterinburg, Russia

**URBAN HORSE INDUSTRY
IN DISCOURSE PRACTICE
OF THREE CULTURES**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article presents a survey of the concept **URBAN HORSE INDUSTRY** in Russian, Irish and American professional discourse. It gives an overview of socio-economic factors that caused remodeling of the concept in present day. There is an attempt at contrastive analysis of concept constituents: *agent – instrument – locus – act – client – observer – their cognitive relevance in concept structure*. Research procedures, employed in the article, are traditional for cognitive linguistics. Linguistic material introduced in the article has not yet been subjected to analysis.

Key words: Concept, discourse, discourse strategies, professional communication, modality, subculture.

About the author: Makeeva Svetlana Olegovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the English Language Department.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

620027, g. Yekaterinburg, ul. Sverdlova, d. 60, kv. 21.

Фигура деятеля, совокупности лиц, объединенных общим занятием либо промыслом, является ключом к исследованию профессиональной коммуникации и стабильно привлекает внимание лингвистов. Исследование наименований лиц по профессии осуществлялось в отечественной лингвистике с различных позиций: рассмотрение структурно-семантических характеристик [Шкатова 1967; Загоруйко 1999], историко-ономасиологический анализ [Шкатова 1987], исследование через призму единой ментальной категории деятеля [Голованова 2004], наименование деятеля как концепта профессионального дискурса определенного периода [Смылова 2007], речевое поведение деятеля и стереотипные ожидания клиента [Харченко 2003] и ряда других ракурсов.

Изменение социально-экономических условий осуществления профессиональной деятельности в ряде сфер (особенно эта перестройка затронула сферу «человек-природа»), изменение ценностных ориентиров общества позволяет выделить еще один аспект изучения фигуры деятеля – дискурсивной практики* по формированию переосмысленного образа, моделирования **н о в о г о** концепта деятеля на основе привычного наименования в различных лингвокультурах. По тональности данная речевая практика сближается с современным политическим дискурсом. Ср.: «Специфику этого [политического] дискурса в значительной степени определяют характерные для социального

сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных ... ориентиров...» [Чудинов 2001: 17].

В статье предпринята попытка сопоставления стратегий дефинирования **конного городского проката**, как частного примера занятия, традиционного в ряде этнокультур, но в данный период переживающего переосмысление в общественном и профессиональном сознании. Мы рассмотрим эволюцию структуры самого концепта в русской, ирландской и американской лингвокультурах, попытаемся, насколько это позволит объем работы, выявить когнитивную релевантность слагаемых: *деятель – инструмент – локус и хронотоп – действие и его результат – клиент – наблюдатель*.

Конный городской прокат является современной трансформацией профессии городского извозчика. Данная профессия имеет многовековую историю, отличается жесткой регламентацией профессиональных ролей, закрытой, устоявшейся терминосистемой, сложившейся корпоративной культурой. В ряде европейских и американских городов профессиональное занятие не претерпело существенных изменений: изменилась сама городская среда, ставя под угрозу существование профессии. В крупных городах России занятие перерождается: меняется гендер деятеля, степень начальной подготовки, способ «труда» и получения вознаграждения.

дения и т.д. В Ирландии занятие трансформируется в парадоксальную часть городской молодежной субкультуры, но осознается как главное занятие.

Мутация профессионального занятия вызывает неоднозначную реакцию как общественности, так и корпоративной группы «лошадников», вызывает потребность в его переосмыслении, реструктуризации профессионального концепта в дискурсивной практике.

Городской прокат в русскоязычном дискурсе можно определить как промысел или непрофессиональное занятие корпоративной группы конных клубов, находящихся в черте больших городов. Узкокорпоративная группа «покатушечников» выделилась около 20 лет назад, с началом перестройки. Появление данного промысла обусловлено целым рядом социальных факторов. Прекращение государственного финансирования конезаводов и конно-спортивных клубов, развал колхозов превратили содержание лошадей в нерентабельное, затратное предприятие. Длительные задержки зарплаты работников спортивных и колхозных конюшен, всеобщее попустительство явились причиной массовой потери поголовья, злоупотреблений, моральной деградации части профессиональной группы. Клубы и частные владельцы были вынуждены заняться прокатом, чтобы прокормить поголовье; некоторые продолжали промысел с целью легкой наживы, не соблюдая элементарных требований к содержанию животных, доводя их до гибели и приобретая новых. В конном мире сформировалась так называемая **контркультура**, т.е. «субкультура, ценности которой вступают в конфликт, открыто противоречат доминирующим» [Персикова 2002: 116–117].

Последнее стало возможным в связи с появлением нового вида «покупателя услуг» – городского жителя, для которого лошадь является экзотикой, не способного определить пол, возраст животного, его общее физическое состояние, не имеющего элементарных представлений о поведении животных и пр. Утилитарная и регулятивная зоны интерпретационного поля концепта ЛОШАДЬ, отношение к лошади как к кормилице, работнице, свойственное русской этнокультуре, отсутствует. То, что в сознании многих горожан – носителей русской лингвокультуры теряется смысловозначительный потенциал, свойственный миру живой природы вокруг нас, и многие имена концептов воспринимаются только как знак тематической отнесенности [Карасик 2007], по всей видимости, необратимый процесс. Тем не менее, в последние годы «сжатие» ряда концептов в языковом сознании горожан приобрело черты культурного коллапса. Вопросы: *Где Вы для нее [лошади] столько мяса берете? Можно ли прокатиться на пони (о маленьком жеребенке)* автору данной статьи взрослые и вполне вменяемые люди задавали неоднократно. Опыт

наблюдения апатичных, измученных лошадью «покатушек» формирует у горожан своеобразную псевдонорму восприятия, когда здоровое, энергичное животное воспринимается как отклонение: *Что это с ней? Она у Вас бешеная!* (лошадь нетерпеливо перебирает ногами, «просит» посылать в галоп). Таким образом, ПОКАТУШЕЧНИЧЕСТВО в какой-то мере уникальный род занятия, т.к. существует благодаря **невежеству** клиентов и **профессиональному невежеству** и деградации агентов.

ПОКАТУШНИЧЕСТВО – наименование, на первый взгляд тяжеловесное и неблагозвучное, подчинено традиции наименования профессиональных деятелей: «начиная с древнерусского периода деятельность лица, в том числе профессиональная, регулярно обозначалась посредством отсубстантивных существительных на -ство. В данных наименованиях отражен процесс транспозиции, в результате чего из двух ядерных сем в значении производящего слова актуализируется процессуальная сема» [Коржковцева 1998: 121]. Покатушечничество как специальный концепт находится в процессе становления: корпоративная группа конников затрудняется с выделением инвариантных признаков социально осуждаемого занятия, пытаясь размежевать его с вынужденным и в силу этого этически оправданным занятием. ПОКАТУШНИЧЕСТВО / ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ в ряде контекстов взаимозаменяемы, в ряде контекстов выступают как знаки ориентации – ситуативные антонимы. Само *пространственное осмысление* промысла «городской прокат» – множество лиц, объединенных общим местонахождением – в какой-то мере семантически избыточно. Одновременно функционируют варианты номинации деятеля: *'покатушник', 'покатушечник', 'покатушечничество', 'покатушки'*.

ПОКАТУШНИК/ПОКАТУШНИЧЕСТВО обладают большей встречаемостью и, скорее всего, утвердятся как общепринятые. Этому способствует форма слова: *покатушник* (мотивирующая основа *'покатушки'* + -ник – стилистически нейтральный суффикс, обозначающий деятеля) воспринимается как пейоратив в силу сходства звучания с *'домушник', 'мокрушник'* и пр. Возможно, изначально заданная оценочная контаминация – решающий фактор при выборе наименования данной группы лиц.

Временной аспект и локус в осмыслении данного промысла создают своеобразную оценочную шкалу. *Откатывать елку, откатать детский садик, покатушки на Масленицу* задают жесткие временные рамки использования лошадей в целях развлечения и являются в какой-то мере допустимыми с профессиональной точки зрения заработками. *Прокат у цирка, катать у Тюза* – знаки привязки к определенному локусу без ограничения во времени – указывают на целевое использование лошадей для заработка «легких денег». Неслучайно кон-

текстные замены – обозначения лиц, занятых в данном виде городского проката, базируются на метафорическом переносе наименований «классических» деклассированных групп: *конные побирушки, садисты-прокатчики, нищие с животными, попрошайки у кафе, «мамочки», «мадам».*

Вероятно, стоит говорить об узкокорпоративной специализации значения, т.к. в целом в досуговой области «покатушки» обозначают прокат транспортных средств (велосипеды, квадроциклы и под. любителям, для развлечения) – при общем шутивно-ироническом звучании аксиологический пласт практически не выявляется. Если рассматривать более широкий контекст (досуговые услуги в целом) можно отметить проявление оценочной энантиосемии, т.е. сосуществования положительного и отрицательного оценочного знака в одном значении, например: *Покатушки там классные, рули – не хочу! // Наконец-то в парке покатушники с квадроциклами.*

ПОКАТУШНИЧЕСТВО является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день тем интрапрофессиональной коммуникации, катализатором формирования установок, этических норм в условиях коммерциализации конного дела. Кроме того, растет число публикаций, ориентированных на «аутсайдера»: их цель – информационное манипулирование потребителями «антиуслуг» и в конечном итоге уменьшение их числа.

Коммуникативная потребность в моделировании данного концепта «вовне», так называемом «овнешествлении», подтверждается результатами простейшего ассоциативного эксперимента; участникам было предложено назвать 1-2 слова, которые в первую очередь ассоциируются с: покатушниками (теми, кто катает, т.е. стереотип восприятия *деятеля*); теми, кто катается (стереотип восприятия клиента); лошадьми (инструмент).

Участниками опроса стали 100 респондентов – студентов и преподавателей языковых специальностей педагогического университета, а также учителя языковых гимназий города Екатеринбурга. Возраст опрошенных – от 18 до 70 лет; поскольку автор предполагал выявить ряд гендерных стереотипов, особый акцент был сделан на привлечении респондентов – мужчин. Обработка анкет позволила сгруппировать актуализированные семы трех слагаемых ПОКАТУШНИЧЕСТВА как занятия в следующие значения:

ДЕЯТЕЛЬ: 1) вариативные наименования лиц, имеющих отношение к конному делу: *наездники 20, спортсмены 12, инструктор 8, люди, конюх 5, извозчики, тренеры 4, клуб, дед Мороз со Снегурочкой, катальщики, дяденьки в санях 2, кучер, девушки с конями 1*; 2) животные, воспринимаемые как субъект деятельности: *лошади 18, пони 13, кони 5, ослики 2*; 3) общая и нравственная оценка деятеля: *сме-*

лые, храбрые 8, любят лошадей 7, спортивные 4, дружелюбные, умелые, веселые 2, заботливые, суровые, удовольствие 1; 4) утилитарная зона: *заработок, деньги 3, сбор средств, аттракцион 2, кризис 1*. Выявленные реакции свидетельствуют о том, что образ деятеля для респондентов либо неактуален (он маскируется, затмевается образом второго актанта – лошади), либо моделируется на основе стереотипных фасцинативных представлений о спортсмене-наезднике.

КЛИЕНТ: 1) возрастные и гендерные характеристики: *дети 38, девушки 9, молодежь 6, маленькие 3, взрослые, которые сидят в санях 1*; другие характеристики: *любители лошадей 11, богатые 3, больные 2, рыцари 1*; 2) когнитивный признак «характер и результат досуга»: *радость 8, развлечение 6, отдых 5, праздник 4, веселье, хорошее настроение 3, восторг 2, опасность, баловство 1*; 3) общая и нравственная оценка клиента: *смелые 7, ловкие 5, отважные 3, жизнерадостные 2, любопытные, лентяи 1*. Как видим, восприятие «клиента» характеризуется большей согласованностью ответов и моделируется в основном двумя когнитивными признаками: **дети и праздник.**

ИНСТРУМЕНТ (лошади): 1) перцептивные когнитивные признаки: *большие 11, сани 5, тройка 4, быстрые, белые 3, упряжь, подковы, грива, тепло 2, которые лягут, навоз, седло 1*; 2) признаки оценочной зоны: *красивые 9, хорошие 6, добрые 5, гордые, умные 3, грация, великолепные, мудрые, восхитительные, послушные 2, бедные, терпеливые, яркие, статные, ласковые, интересные, думающие 1*; 3) энциклопедическая зона: *галоп, усталость 2, обучение верховой езде, конная прогулка, нервные, булка хлеба, голодные, пот 1*; 4) вариативные наименования: *пони 5, кони 4, животные 2*; 5) случайные ассоциации: *Пегаз, Собчак, Путин, коврик, игрушка и пр. – 23*; 6) отказ от ответа «не знаю», прочерк 4;

Моделирование аутсайдерами ментальной картины «инструмента» покатушечничества осуществляется в целом на основе сложившегося этнокультурного концепта ЛОШАДЬ. Следует отметить отсутствие зависимости характера ответов респондентов от возраста либо гендера. В целом ПОКАТУШНИЧЕСТВО реализуется в непрофессиональном сознании как рефлексивный концепт: ср. «рефлексивные концепты демонстрируют низкую согласованность ответов испытуемых, низкую яркость большинства когнитивных признаков либо **яркость преимущественно оценочных и ложных признаков**» [Попова 2007: 195] (выделение наше).

Статьи о покатушечничестве по ряду формальных параметров можно однозначно отнести к выделенному Н.Н. Кохтевым жанру рекламной консультации, даваемой специалистами, о пользовании услугами [Кохтев 1981: 26]. Коммуникативные задачи, которые призваны решить данные публикации, весьма сложны,

противоречивы и выходят за рамки рекламных текстов. Вот далеко неполный перечень задач, которые решаются данной подборкой:

а) формирование либо корректировка у клиентов концептуального спектра относящихся к ПОКАТУШНИЧЕСТВУ информационно-фоновых знаний, особенно в отношении актанта «лошадь»;

б) формирование субъектного, а не объектного восприятия лошадей как главного условия городского проката;

в) корректировка социальных представлений о ПРОКАТЧИКАХ, создание отталкивающего образа 'профессионального деятеля';

г) корректировка стереотипной самооценки клиента – пользователя данного вида услуг (не «экстремал», «ковбой», а неумный человек, являющийся участником постыдного по своей сути занятия);

д) разрушение положительных стереотипов аутсайдера в отношении услуги ПРОКАТА (дети + лошади ⇒ общение с живой природой ⇒ положительный фактор воспитания), профессиональная оценка **этической** стороны приобретения данной услуги.

Поскольку жанр рекламной консультации достаточно жестко ограничивает объем публикации, решение разноплановых задач достигается в большой мере за счет оценочной модальности, насыщения (иногда перенасыщения) текста единицами аксиологической семантики. Вспомним: «...эмоциональное состояние говорящих носит в структуре человеческой деятельности мобилизующий или компенсаторный характер. Компенсация проявляется в том, что эмоции позволяют принимать решения при недостаточной информации» [Гак 1982: 14].

Оценочная модальность – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реальностью (точнее, ее свойствами и аспектом), оцениваемой положительно или отрицательно в соответствии со стандартом бытия вещей. Обязательными элементами оценочной модальной рамки являются эксплицитный или имплицитный субъект оценки, обозначающий лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также точку отсчета, включающую шкалу оценок и оценочные стереотипы [Телия 1986: 22]. В нашем случае субъектом оценки выступают представители более или менее профессиональных конно-спортивных клубов; объектами оценки являются как агенты, так и клиенты «покатушечных» услуг, причем ПОКАТУШНИК зачастую используется как наименование-зонтик как для агентов, так и для клиентов: ср. ...и в приличном клубе встречаются люди-покатушники, которые приходят в клуб или на конюшню не за лошадью ухаживать, а только скакать на ней, даже спортсмены есть такие; им глубоко наплевать, сыта лошадь или голодна, уставшая

или нет, им главное поскакать – ЭТО ПОКАТУШНИКИ.

Рассмотрим на конкретных примерах развертывание оценочной модальной рамки в текстах о ПРОКАТУШНИЧЕСТВЕ:

а) Утилитарный аспект (здесь и далее классификация оценочных значений аксиологической семантики по Л.В. Сретенской [см.: Сретенская 1994: 10]; его основными средствами выражения является рационально-оценочная лексика) в нашем случае задается уже на уровне квазисловарного определения. Используется классическое описательно-логическое толкование через парадигматический идентификатор и конкретизирующую часть: *Покатушечничество – это вид попрошайничества, где способом попрошайничества является лошадь // покатушничество, как и другой вид деятельности, есть бизнес, хоть и нелегальный, представляющий определенный вид услуг // Покатушники – это люди на конях в городе, которые произносят фразу: "А ребенка на лошадке прокатить не желаете?" // Покатушничество – это предпоследняя ступень на жизненном пути лошади перед мясокомбинатом.* Целью является не столько раскрытие профессионального понятия, сколько формирование негативного отношения к нему. Эксплицируется оценка типовых ситуаций проката с точки зрения их вреда для пользователей: *Катание на хромой, больной, измученной лошади может привести к травме у всадника и необратимым последствиям для животного // Лошади больны, причем не только травмы и незаразные болезни, но в т.ч. и заразные.*

б) Нормативный аспект: в профессиональном дискурсе конных клубов действует устойчивая нормативная шкала, на одном полюсе которой эксплицированы требования к содержанию лошадей, уровень профессиональных умений и навыков конного спорта. На другом – вековая этнокультурная норма содержания и использования лошадей в крестьянском хозяйстве.

Эта «крестьянская» норма содержания в профессиональном сознании выступает как планка шкалы, ниже которой опускаться нельзя; это сигнал выхода за пределы профессиональной группы: *Даже крестьянская лошадка не заслуживает подобного обращения, а тем более рысак // в бескормицу крестьяне солому с крыш драли, чтобы прокормить скотину, а этим что... Сыпанут сухих отрубей и все // Ни один крестьянин даже в самый голодный год не стал бы на такой ляле работать. Поэтому что потом бы эта лошадь ему долго не прослужила // Это равносильно тому, если бы ребёнка в 7 или 6 лет отправили бы на склад работать грузчиком. Лошадь заезжать-то нужно не раньше, чем в 3 года. А тут год с лишним. В деревне бы не потерпели подобного кощунства и под. Скорее всего, данная шкала является базовым профессиональным*

конструктом. Ср.: «конструкт определяется как классификационно-оценочный эталон, сконструированный человеком, проверенный им на практике, с помощью которого осуществляется восприятие и понимание окружающей действительности, прогноз и оценка событий. В самом общем виде конструкт – это биполярный признак, альтернатива, противоположные отношения и способы поведения... и далее: как правило, конструкт не просто дискретная оппозиция, но зачастую создает континуум некоторого свойства, и с помощью приложения конструкта объекты можно расположить между полюсом сходства и полюсом различия, т.е. «измерять» объекты, а не только судить об их включенности и **невключенности** в некоторый класс». [Касавин 2008: 419].

в) Эстетический аспект: следует подчеркнуть, что речевому поведению профессиональной группы конников в целом свойственно навязывание профессионального эстетического мировосприятия [подр. см. Макеева 2009], что вполне закономерно, т.к. русская лингвокультура в целом характеризуется высокой импозитивностью. Основными объектами эстетической оценки в отношении ПОКАТУШНИЧЕСТВА являются:

1) лошади, их внешний вид: *готовый преломиться в позвоночнике полутруп // больные страшные, тощие лошади // натуральный скелет // Иногда за сотни метров чувствуешь, что сейчас где-то будут кони, т.к. люди, работающие с такими лошадьми, не утруждают себя ни чистой самой лошади, ни места ее пребывания дома // живой труп // жалкие клячи // она не чищенная или амуниция на ней рваная и под.;*

2) прокатчики, их: а) внешний вид и поведение: *барышни, не обремененные интеллектом // навозные девочки // кобыла, кило под 70-80 // наглые прокатские девицы // девочки и мальчики с матом и пивом, пьянящие // гадские прокатные девочки.* В номинациях актуализируется гендерный аспект, что могло бы свидетельствовать о нарушении гендерных ожиданий в отношении «деятеля»; тем не менее, стереотип «неженское занятие» не прослеживается: отторжение вызывает конфликтно-агрессивный тип языкового поведения, не соответствующий гендерным ожиданиям: *я сделала ей замечание, так как сама была с ребёнком, на что она мне ответила: да достали вы все умные нашлись, при этом показала факью и пошла дальше. А ведь даже не знала, что я лошадица, разговаривала, как с клиентом;* б) эстетический аспект умения ездить верхом: *болтаются в седле как мешок с... [инвектива] // они утряслись галопом // взгромоздиться на лошадь;*

3) пользователи услуг проката, их внешний вид: *сил нет смотреть на придурка, взвалившего свою задницу на полутруп // пьяные мужики, которые «залазят» и «слазят» // попо-*

кататели // толстые лохи // слонopodobные и пр.;

4) оценки смешанного типа, где «коннотативная модальность ориентирована на экстенционал аналогии (сравнения, метафоры)» [Телля 1986: 26]: *вечный ад городских покатушек // "покатушничество" – зачастую смертный приговор // "покатушечная" – это вообще труба // Не тратьте деньги на зло!*

Следствием подобного разрывания контекстной дефиниции является стойкая негативная оценочная контаминация конного проката как занятия и группы, выходящих за рамки профессиональной этики. В данном случае действует закон прямой зависимости контекста и значения: «чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста: только абсолютно однозначная единица может функционировать без помех для коммуникации вне зависимости от контекста» [Колшанский 1980: 130].

ПОКАТУШНИК/ПОКАТУШНЫЙ в конноспортивном дискурсе развивает и ряд переносных значений: 1) лицо / клуб, занимающийся лошадьми непрофессионально, по-дилетантски: *Фаворит – истинно покатушный клуб // Источник скатился до уровня покатушечников // это не спортивные лошади, а покатушные клячи;* 2) беспородная, рабочая (о лошади): *60 тысяч за покатушную клячу? Я не говорю, что лошадь плохая, но 60 тысяч – это дорого!*

По справедливому замечанию Е.И. Головановой лица, выделяющиеся по профессиональному или непрофессиональному занятию (промыслу) в составе коллективных прозвищ, названия лиц по профессии выполняют не только классифицирующие, но и характеризующие функции. Иными словами, эти обозначения не только указывают на участие конкретной группы жителей в профессиональном разделении труда, но и выражают определенную оценку их деятельности [Голованова 2004: 99].

Как видим, становление концепта ПОКАТУШНИЧЕСТВО позволяет эффективно вводить фрустрирующий элемент (см. [Лазарева 2005: 42]) в текст рекламного объявления конных клубов – жанра, получившего стимул к развитию лишь в последние годы и нуждающегося в собственном манипулятивном инструментарии в связи со спецификой целевой аудитории и самих услуг.

Перейдем к рассмотрению образа КОННОГО ПРОКАТА в ирландской дискурсивной практике. Ирландские «покатушечники» воспринимаются как субкультура, но не контркультура. Субъектом оценки выступают представители макросреды, а не корпоративного сообщества; в силу этого ценностный аспект концепта получает социальную, а не профессиональную интерпретацию. Лексическая репрезентация в ирландском дискурсе: *Irish equestrian culture // Irish urban horse culture // suburban horse culture // alternative horse culture.* Внутренняя форма ус-

тойчивого словосочетания может в данном случае выступать как источник сведений о характере концепта: 'culture' – следует трактовать как универсалию культуры, идею, схему сознания и поведения, элемент коллективного бессознательного [Касавин 2008: 281]. Явление не выходит за рамки этнокультурных традиций; напротив, рассматривается, как своеобразная защитная реакция на бурный экономический рост, урбанизацию; воспринимается как возврат к «корням», традициям ирландских цыган либо бродяг – 'travellers'.

Базовыми словами – репрезентантами наименования деятеля являются: *teenage children // pony kids // children of the urban dispossessed // young owners // Dublin's teenage cowboys // bored youngsters // wild children // urban cowboy kids // suburban equestrians*. Как видим, актуализируется возрастная, а не гендерная характеристика деятеля. Гендерные ожидания в ирландском контексте не нарушены: Ирландии свойственна культура с мужским началом, «лошадниками» являются преимущественно мальчики. Разнообразие синонимических репрезентаций при отсутствии выраженного предпочтения свидетельствует об «открытости» группы; описываемое явление следует рассматривать в социальном, а не корпоративном контексте.

Любопытна в данном контексте трансформация значения HORSE – инструмент либо второй актант «покатушек»: в англоязычном молодежном сленге 'horse' обозначает героин, 'go for a ride' – принять дозу. В дискурсивной практике актуализируются оба значения слова, при декодировании номинации читатель вовлекается в языковую игру, основанную на приеме умолчания либо иносказании: *an alternative source of cheap thrills for bored, alienated kids // other forces waiting to fill that gap // that bleak choice // an important form of escape*. Корректировка стереотипа идет в направлении большей толерантности: городские лошадники скорее заслуживают поддержки, потому что альтернатива – наркотики – гораздо хуже.

Данная интерпретация в большой степени определяет и компоненты образа 'horse': как и в русском языке, актуализируются семы *undernourished, ill-treated, neglected, starving*; тем не менее, когнитивный признак «истощенный» оказывается менее релевантным для ирландского сознания (отсутствие метафорических номинаций, интенсификаторов). Более релевантным оказался когнитивный признак 'stray'/'wild' (бродячий, дикий). Ср.: «к явлениям, реализуемым личностью в процессе коммуникации в определенной социокультурной среде, можно отнести и такие явления, как владение языковыми формами выражения элементов синонимической аттракции (темы, занимающие видное место в интересах и деятельности того или иного коллектива, привлекают и большее число синонимов)» [Прохоров 2004: 108]. Для ирландского коллективного сознания в большей степе-

ни недопустимо нарушение территориальных границ: *running wild on parks and back gardens, on greens and waste ground // horses wandering into traffic // stray horses grazing alongside main roads and on waste ground and public parks // roam everywhere // nomadic ponies // infesting suburbia // city literally overrun with horses etc.* Таким образом, локус (вернее, его неопределенный характер) входит в ближнюю периферию концепта URBAN HORSE. Значимым элементом в структуре локуса выступает урбаноним *Smithfield* – рынок Дублина, в результате эпонимизации развивший зафиксированное в большинстве словарей значение *нечестная игра, обман, надувательство*. Появление данного элемента в соположении с лексическими репрезентациями «деятеля» неизбежно приводит к определенной оценочной контаминации.

Когнитивный признак 'способ, характер выполнения действия' репрезентируется всего двумя лексемами: *to ride bareback // to ride without a saddle* – и, тем не менее, чрезвычайно важен для понимания структуры концепта: отсутствие седел обозначает ограничение эксплуатации лошадей в условиях городского проката: *клиент* в ирландской дискурсивной практике не эксплицирован.

Позиция наблюдателя в ирландской дискурсивной практике переосмыслена как отношение общества взрослых, «макрокультуры», к неоднозначному явлению молодежной субкультуры и сводится к предсказуемому набору коммуникативных ожиданий: *to instruct // to teach how to take proper care // to provide benefits while avoiding dangers etc.* Это в какой-то мере подтверждает наблюдение, что «ирландская культура характеризуется низкой степенью боязни неопределенности, терпимостью ко всему необычному, высоко ценится гибкость в принятии решений, готовность идти на риск» [Персикова 2002: 50].

В американской дискурсивной практике, в отличие от русской и ирландской, задача определения границ контркультуры либо оценки субкультуры не ставится. Подборка текстов решает задачу переосмысления **доминирующей**, традиционной корпоративной культуры, запрета на городской прокат как профессионального занятия, невозможного и неэтичного в урбанистической среде**.

Наименование сферы профессиональной деятельности 'horse carriage industry' также подвергается изначальной оценочной контаминации, хотя не столь явной, как в русскоязычном дискурсе. Ср.: *Industry – an activity or business that has become very successful, especially one that you think makes an unfair profit or is not successful* ([Macmillan English Dictionary 2002]; разрядка наша). Особенностью осуществления профессиональной деятельности городского проката в крупных американских городах (в частности, Нью-Йорке) является полный запрет на использование лошадей «под верх» в

целях безопасности клиентов-аутсайдеров; используется гужевой транспорт (прогулочные, кареты, фаэтоны, запряжка мощных лошадей – тяжеловозов), условия эксплуатации лошадей четко регламентированы местным законодательством. Данная специфика изначально «диктует» высокий профессиональный уровень и гендер *деятели* (базовое слово – репрезентант ‘driver’, синонимические варианты ‘whip’, ‘teamster’). Случайный характер и бедность оценочных маркеров в отношении деятеля свидетельствуют о низкой когнитивной релевантности данного «слагаемого» ментальной картины.

На первое место выдвигается л о к у с, переосмысленный как агрессивная среда, в которой лошади не место. В структуре *локуса* актуализируются семы *опасность, угроза*, которые в свою очередь ранжируются, и на текстовом уровне представляют собой субъективную градацию:

а) опасность, вред от городского транспорта: *going amongst all that traffic in a city is like playing frogger, just asking for trouble // Many animals are too spirited and easily spooked to pull a carriage safely in a large city. // Modern city traffic simply does not allow for the safe usage of horse drawn carriages. This is not only dangerous for the horse itself, it is also extremely dangerous to the driver* и под.;

б) угроза от плохой экологии: *horse contracted breathing problems due to the exposure to smog // slip on the road surfaces, which are very slippery to a plain steel shoe // the horse has to breathe exhaust fumes from cars spewing toxic fumes right in its face // dreadful and harmful conditions* и под.;

в) угроза от плохого содержания: *suffer the worse abuse // horrendous treatment of horses // inhumane treatment of carriage horses // acts of cruelty to animals // mistreat the animal* и пр. Данная группа репрезентируется набором клише, позволяющими без труда определить, кто является **субъектом оценки**: члены групп защиты прав животных, не принадлежащие к «конному миру».

Хронотоп задан оппозицией ‘*in the past / now*»; предпочтение видовременных форм Past Habitual *used to, would*, временной маркер *till 20-s -30-s* четко определяют позицию адресанта по отношению к профессиональному занятию: конный городской прокат изжил себя и актуален лишь как часть исторической реконструкции.

HORSE в американской дискурсивной практике реализуется как этнокультурный концепт, выводится из контекста профессиональной деятельности. Яркими (профилирующими) и, следовательно, ядерными в равной степени оказались и компоненты образа, и компоненты интерпретационного поля: *a majestic animal // gentle animals // amazingly tolerant // magnificent // beautiful, intelligent and all-round admirable animals // lovely creatures // Horses are an integral*

part of the American culture // They provide a window to the past // horses – they are part of the heritage and beauty of North America и под.

Мелиорация образа лошади и пейоризация локуса – городской среды лежит в основе создания контраста на метатекстовом уровне. ЛОШАДЬ / ГОРОД воспринимаются как контекстные антонимы, что неминуемо приводит адресата к заранее заданному набору выводов.

Следует отметить, что изменение модели занятия КОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ осуществляется в полном соответствии с доминантами речевого поведения русской, ирландской и американской лингвокультур; новая коммуникативная задача решается в рамках устойчивой лингвокультурной традиции [Подр. см. Кузьменкова 2005; Тер-Минасова 2000].

Зоной исследовательских интересов автора является моделирование речевого портрета городского проката как малой профессиональной группы. Ракурс рассмотрения профессионального занятия и деятеля, предложенный в статье, является одним из набросков, необходимых для создания цельной картины. Этот набросок подводит к формулировке вопросов, требующих панорамного обзора: всегда ли смерть, угасание профессионального занятия вызваны «естественными причинами» (отсутствие спроса на продукцию, необходимых материалов, условий производства, специалистов и пр.)? В какой мере оценка профессии социумом влияет на «продолжительность жизни»? В чем причина негативного отношения профессиональной корпоративной группы к занятию дилетантов: насколько неприятие дилетантского занятия обусловлено сложившимися корпоративными стереотипами и системой ценностей, насколько – социальной опасностью стихийного занятия любителей в области, требующей серьезной специальной подготовки? Данные вопросы в какой-то мере задают перспективу развития темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Дискурсивная практика в данной статье рассматривается как «специфическая форма использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей действительности, трансформация личностных смыслов субъекта» [Касавин 2008: 414].

** В статье использованы результаты опроса 508 респондентов-американцев (материалы блога “The Carriage horses of NY City / Encyclopedia Britannica’s Advocacy for Animals”). URL: <http://advocacy.britannica.com/blog/advocacy/2008/03/the-plight-of-new-york-city-carriage-horses/> (дата обращения 15.03.10).

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. 1982. № 5. С. 11-17.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля (формирование, развитие, статус в языке): монография. – Челябинск: Челяб. гос.у-нт, 2004. 330 с.

Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Пермь, 1999. 14 с.

Карасик В.И. Языковые ключи: монография. – Волгоград: «Парадигма», 2007. 520 с.

Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 544 с.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика: монография. – М: Наука, 1980. 150 с.

Коряковцева Е.И. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. – М.: Изд-во ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1998. 362 с.

Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Язык рекламных тестов: монография. – М: ВШ, 1981. 127 с.

Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения. – М.: издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 371 с.

Лазарева Э.А., Булатова Э.В. и др. Политический и рекламный дискурс и его влияние на социум: коллективная монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. 145 с.

Макеева С.О. Посадка/Seat: инволюция и актуализация концептов в сопоставительном аспекте // Система и среда: человек, язык, общество: сб. науч. тр. – Нижний Тагил: Изд-во НГСПА, 2009. С. 67-78.

Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие. – М.: Логос, 2002. 224 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: «Восток-Запад», 2007. 314 с.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

Смыслова С.Л. Концепт «Учитель» в русском педагогическом дискурсе рубежа XIX – XX веков: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Тюмень, 2007. 26 с.

Сретенская Л.В. Функционально-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб, 1994. 16 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: монография. – М: Наука, 1986. 143 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 316 с.

Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении: монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 337 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шкатова Л.А. Наименования лиц по профессии современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. 268 с.

Шкатова Л.А. Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-этимологический анализ): Дис. ... д-ра. филол. наук. – Челябинск., 1987. 357 с.

© Макеева С.О., 2010